

ЧУЖИЕ ДЕТИ ВСЕГДА повсюду. Хуже всего в автобусе, когда от них никуда не деться. Моя спина покрылась потом, я сердита. Солнце бьет прямо в салон через грязные стекла, автобус полон от самого Драммена, и, хотя автобусная компания гарантирует всем сидячие места, в Копстаде, Тёнсберге и Фоксерёде заходят очередные пассажиры, которым приходится стоять в проходе и раскачиваться, хватаясь, за что попало. Прямо за мной сидит отец с ребенком, мальчиком лет трех. Он смотрит на своем айпаде фильм «Приключения в лесу Елкина-Горке» с включенным звуком, неестественным и пронзительным, время от времени отец пытается приглушить его, но ребенок начинает хныкать в голос и увеличивает громкость.

Меня тошнит от чтения книги, а батарейка в телефоне почти полностью разрядилась, поэтому послушать подкаст я тоже не могу, я слышу только трах-бах и песни Лазающего Мышонка, которые

исполняются металлическим голосом: *мойся, Ворчуниска, косолапый мишка, чтобы мишка чистым был, надо, чтобы мишка мыл коготки и пятки, спинку, грудь и лапки**. Когда мы въезжаем в Телемарк, я теряю терпение, поворачиваюсь к папаше, который оказывается молодым хипстером с бородой и маленьким дурацким хвостиком, широко улыбаюсь и спрашиваю, не могли бы они быть так добры и немного приглушить звук. Я сама слышу в своем голосе резкие нотки, и папаша понимает, что мне это не нравится, но ведь не могут же они сидеть с включенным звуком в набитом автобусе-экспрессе в июле, нет, не могут.

— Ну, — отвечает папаша-хипстер, почесывая подбородок, — вам что, мешает? — Он говорит на ставангерском диалекте.

— Есть немного, — говорю я, по-прежнему улыбаясь.

Рассерженный папаша вырывает айпад из рук ребенка, тот начинает орать от удивления и злости, и пожилая пара, сидящая передо мной, оборачивается и недовольно смотрит на меня. Не на папашу с ребенком, а на меня.

— Вот что бывает, когда отказываешься сделать потише, — говорит папаша. — Ты мешаешь тете, поэтому видео смотреть больше нельзя.

Автобус заворачивает на бензоколонку и останавливается, чтобы все могли сходить в туалет

* Пер. Л. Брауде.

и выпить кофе. Ребенок лежит на спине на сиденье и визжит. Я беру сумку и торопливо шагаю по проходу, оставляя вопли за спиной.

Кристоффер и Олея ждут меня на остановке в Винтеркьяре. Марты с ними нет. Кристоффер высоченный, а Олея совсем маленькая. Осенью Олея пойдет в школу, а мне кажется, что она еще слишком низкорослая, худая и хрупкая.

— Рад видеть тебя, — говорит Кристоффер.

Он сжимает меня в долгих объятиях: обхватывает руками и стискивает.

— И я тебя, — отвечаю я. — Надо же, как у тебя отросли волосы, Олея! — Я дергаю ее за хвостик.

— Олея сегодня научилась плавать, — заявляет Кристоффер.

Олея улыбается, у нее не хватает четырех зубов на верхней челюсти.

— Я плыла, а папа меня не держал, — говорит она.

— Ой, — удивляюсь я, — ну надо же. Какая ты молодец.

— Марта сфоткала меня, — отвечает Олея. — Я тебе покажу, когда мы приедем.

— А Марта, наверное, валялась на берегу и бездельничала, — говорю я и кладу сумку в багажник.

— Да, — удовлетворенно произносит Олея с заднего сиденья. — Она очень много бездельничает.

— Мы так не говорим, Олея, — замечает Кристоффер и заводит машину. — Ты это знаешь.

Я поворачиваюсь к Олее, подмигиваю и громко шепчу:

— Марта *правда* иногда бездельничает.

Кристоффер кашляет.

— Ну мне-то можно так сказать, — произношу я. — Мне разрешено шутить.

Пошутить меня так и тянет, потому что Марте надо иногда дать пинка, и так приятно подмигнуть Олее и заставить ее фыркнуть и широко раскрыть веселые глаза в ответ на мои шутки. Мы едем вдоль побережья, и я рассказываю Кристофферу про папашу-хипстера и его ребенка, который смотрел «Приключения в лесу Елки-на-Горке» на всю громкость.

— А люди потом сердятся на меня, — говорю я. — Но шумела-то не я. Тот папаша здорово разозлился.

Я узнаю запах, исходящий от Кристоффера, запах дачи, краски, морской воды, тела.

— Ты знаешь, их не всегда бывает легко успокоить, — произносит он.

— Но ты, наверное, не разрешал Олее в три года сидеть в переполненном автобусе и смотреть айпад со звуком на полную катушку, — говорю я.

— Нет, — отвечает Кристоффер. — Но люди так сильно злятся на детей, потому что совсем их не понимают. Дети должны иметь право быть детьми.

Кристоффер часто говорит подобные вещи, например: «дети должны иметь право быть детьми» или «важно прислушиваться к своему телу».

— Существует разница между плачем и включенным звуком, — говорю я.

Я замечаю, что слишком упорно настаиваю на своем и сейчас выдала себя, я ведь совершенно этого не понимаю, и Кристоффер пожимает плечами и улыбается, на полную громкость в набитом автобусе, повторяю я, дыши животом, Ида, говорит он и похлопывает меня по ноге. Я открываю рот, чтобы продолжить свою речь, но останавливаюсь, он все равно не поймет. Расскажу об этом Марте, она обычно соглашается со мной в подобных вещах, ее раздражает, когда Олея шумит. Я собираюсь рассказать ей кое-что еще, не сразу по приезду, а вечером, после того, как мы выпьем по паре бокалов вина, и Кристоффер уйдет укладывать Олею спать, вот тогда я все расскажу.